

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРБАЛЬНОГО АГРЕССИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова

В статье раскрывается коммуникативный ресурс дискурсивных агрессивных практик как фактора «мягкой силы» в информационном противостоянии, используемого в виде комплексной функциональной модели с целью эффективного влияния на партнера по диалогическому взаимодействию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальная агрессия, «мягкая сила», политическое телеинтервью, провокация, фреймовая конфигурация

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА, romanov_tgsha@mail.ru

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Политическое интервью как инструмент вербального агрессивного воздействия «мягкой силы» в информационном противостоянии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 3. – С. 1–50. Режим доступа: www.tverlingua.ru

POLITICAL INTERVIEW AS A TOOL OF VERBAL AGGRESSIVE INFLUENCE OF "SOFT POWER" IN INFORMATION CONFRONTATION

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova, Oksana N. Morozova

The article reveals the communicative resource of discursive aggressive practices as a factor of "soft power" in the information war acts, used as an integrated functional model with the purpose of effective influence on the partner in dialogical interaction.

KEY WORDS: verbal aggression, "soft power", political TV interview, provocation, frame

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

MOROZOVA Oksana N. – DSc in Philology, professor of Tver State University. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanov A. A. Romanova L.A., Morozova O.N. Political interview as a tool of verbal aggressive influence of "soft forces" in information confrontation // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 3. – P. 1–50. Access mode: www.tverlingua.ru

*Так говори же,
чтобы я знал
Кто ты
Б. Грасиан*

*Границы моего языка
означают
границы моего мира
Л. Витгенштейн*

Конец второго десятилетия 21-го века ознаменован беспрецедентно интенсивным информационным противоборством медийно-дискурсивных ресурсов между глобальными акторами или «игроками» геополитического пространства в конкурирующей борьбе за доминирующее в нем влияние и его бенефициарные ресурсы. В технологическом плане атакующие и атакованные стороны использовали и используют поныне значительный арсенал хорошо известных и апробированных в недавнем прошлом концепций, средств, приёмов, стратегий, тактик и факторов информационно - технологического воздействия на консциентальную (от лат.: *conscientia*) сферу друг друга, чтобы добиться бенефициарных преимуществ в масштабном соперничестве за сферы влияния в мире (о разнообразии форм и методов консциентального воздействия в информационном противостоянии или «информационных войнах» см.: Романов, 2015; 2016; 2016*a*; 2017; 2018; Романов, Романова, 2015; 2017; 2017*a*; 2017*б*; 2018; 2018*в*; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015*a*; 2015*б*; 2017; Romanov, Romanova, 2017).

В этом арсенале воздействующего технологического инструментария наиболее продуктивным по значимости и эффективности влияния на противника исследователи признают использование фактора «мягкой силы» (ср.: Най, 2006; Алексеев, Алексеева, 2016; Паршин, 2014; Романов, Романова, 2017; 2018; Харитоновна, 2015; Юдин, 2015; Fan, 2008), который трактуется как «*функциональная модель использования доминирующей стороной противостояния *разностороннего* и *полифункционального коммуникативного ресурса* для бенефициарного порождения смыслов и*

последующего распространения, внедрения и закрепления этих смыслов в ментальном сознании атакованной стороны, чтобы трансляционно, ретрансляционно, а также «факсимильно» и «телетайпно» прививать посредством специально созданных дискурсивных практик позитивные характеристики исходного имиджа как «персонифицированного образа» страны, общества, корпорации, фирмы в качестве образца для подражания» (Романов, Романова, 2016; 2017; 2018; также: Романов, Романова, 2017а; 2017б; 2017в; 2018б; 2018в).

Фактор «мягкой силы» (МС), реализуемый в виде комплексной функциональной модели использования коммуникативного ресурса в геополитическом пространстве для создания в нём привлекательного, уникального и высокоэффективного «персонифицированного образа» доминирующей стороны и распространения этого образа в геополитическом конкурентном противостоянии, оказывается наиболее эффективным для достижения основной цели: через привлекательный образ атакующей стороны осуществлять посредством транслирующего ненасильственного воздействия захват и подчинение ресурсов противостоящего соперника. Особая роль в этом процессе отводится вербальной составляющей (компоненте) МС – коммуникативно-дискурсивным (вербальным) практикам, инструментально воздействующим на концентриальную сферу противоборствующей стороны путем переформатирования и перекодирования у неё национально-исторической памяти и культурно-смыслового фонда (Романов, Романова, 2017; 2018; 2018а; также: Романов, Романова, 2017; 2018б; 2018в; Romanov, Malysheva, 2016; Romanov, Romanova, 2017).

Одним из эффективных приёмов применения коммуникативно-дискурсивных практик в качестве технологического инструментария воздействия «мягкой силы» в целях «привития» в массовом сознании атакованного соперника «персонифицированного образа» противоборствующей (атакующей) стороны является *политическое*

телеинтервью (или политическое ТВ-интервью) с популярными политиками, лидерами общественного мнения или представителями различных руководящих органов атакованной страны, чтобы своим непосредственным участием в медийном пространстве актуализировать и активировать в глазах массового телезрителя стратегический потенциал заинтересованной стороны (т.е. заказчика, бенефициара, интересанта, «режиссера») по выработке симпатии либо антипатии и, что вполне возможно, даже дискредитации конкретной приглашенной личности или стоящего за этой личностью образа страны, нации-государства, социального института, компании, фирмы (Романов, 1988; 1992; 1997; 1999; 1999a; 2002; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015a; 2017; Морозова, 2005: 179-189; Heinemann M., Heinemann W., 2002; Holly, Kühn, 1986; Lucas, 1992; Schwitalla, 1979).

Политическое телеинтервью «как один из жанров телекоммуникаций» (Lucas, 1992) характеризуется рядом отличительных конститутивных признаков, которые коррелируют с рядом признаков типового жанра интерактивного взаимодействия «диалога-интервью», а именно:

– *а)* агрессивной (наступательной, атакующей, требовательной, а в ряде случаев – даже arrogantной) директивной интеррогативностью не только в плане манифестационного оформления жанровой интеракции собственных речевых действий интервьюирующего, но и «жесткой» постановкой вопросов относительно актуальных проблем современного политического мироустройства и сложившегося в нем положения дел (о специфике интеррогативной директивности см.: Романов, 1980; 1983; 1988; 2005; 2006; Романов, Романова, Федосеева, 2013);

– *б)* сценарной константностью набора (репертуара, перечня) ролевых позиций интервьюера (отправителя / продуцента, вопрошающего, модератора, «хозяина» в студии) и интервьюируемого во фреймовой конфигурации реализации сценария «интервью» («гость», «приглашенный», «эксперт» / получатель / реципиент), обладающих «сценарным правом»

жанрового общения на реализацию своих позиций, установок, мнений и взглядов (Романов, 1988; 1991; 1991*a*; 1992);

– *в*) динамикой мены интерактивных, коммуникативных (инициатор, спрашивающий / вопрошающий – отвечающий; говорящий – слушающий; адресант – адресат; отправитель – получатель / реципиент) и социально-статусных или прагматических ролевых позиций («ведущий» – «ведомый»; «хозяин в студии», «свой» – «гость» / «чужой» / другой / иной);

– *з*) реализацией по типовому образцу «*Мой вопрос – Ваш ответ*» сценария политического ТВ-интервью с широким (неограниченным и даже непредсказуемым) тематическим пространством и соперничеством за стратегическую и – в меньшей степени – коммуникативную инициативу (ведущий, «хозяин» / модератор, лидер – ведомый / «гость»; ведомый / модератор – ведущий, лидер);

– *д*) стремлением каждой из сторон продемонстрировать благоприятное впечатление от совместной коммуникативной деятельности фреймового сценария, чтобы вызвать (сформировать) у массового потребителя информации симпатию и в максимальной степени создать друг у друга и у массового зрителя положительный «персонафицированный образ» – понятного, обаятельного, современного, прогрессивного, предсказуемого, толерантного и компромиссного / некомпромиссного политика, деятеля, руководителя и т.п. – не только самих участников и акторов ТВ-интервью, но и стоящих за ними бенефициаров – стран, компаний, телепрограмм и телестудий (подробнее: Романов, 1991; 1992; 1995; 2006; Романов, Романова, 2017; 2018; Романов, Романова, Морозова, 2017).

Очевидно, что жанровая специфика политического телеинтервью накладывает определенные ограничения на реализацию ряда отмеченных признаков как в формальном, так и в содержательно-тематическом аспектах. Так, в частности, директивная агрессивность со стороны интервьюера не должна касаться интерактивной стороны диалогического взаимодействия, если учитывать статус приглашенного в студию гостя, например,

руководителя правительства или президента, министра какой-либо страны, а также не должна затрагивать и нарушать факторы организационного процесса очередности обмена вербальными действиями, построенного по сценарной схеме фреймовой конфигурации «Мой вопрос – Ваш ответ», которая схематически развивается в виде пошаговой секвенции: $\Pi_1 (\Gamma^1, C^2) \rightarrow \Pi_2 (\Gamma^2, C^1)$, где Π_1 – это первый партнер по взаимодействию или интервьюер, модератор, а Π_2 представляет собой приглашенного гостя, политика или руководителя страны, кампании, фирмы. В круглых скобках отмечена интерактивная особенность коммуникативного обмена диалога-интервью, которая фиксирует и отмечает последовательную смену коммуникативных ролей участников интервью как говорящего (Γ) и как слушающего (C). Направленность стрелки символизирует поочередную направленность процесса воздействия собеседников друг на друга и стремление оказать влияние одного на другого в условиях совместной коммуникативной деятельности.

Как видим, исходная (каноническая) сценарная очередность интерактивных и коммуникативных ролей не предполагает соперничества за овладение стратегической инициативой между ведущим (интервьюером) и гостем студии, так как сценарная очередность и направленность коммуникативного взаимодействия партнеров по диалогу-интервью базируется на последовательной смене репликовыми шагами (действиями, практиками), которая строится по принципу следующих имплицативных пар:

1) *если* Π_1 начинает говорить, выполняя при этом коммуникативную роль говорящего (A), *то* Π_2 выступает в роли слушающего и дает на этот шаг партнера свое согласие, подтверждая такое согласие своим вербальным или невербальным поведением (A^1);

2) *если* Π_1 желает (продолжает) говорить дальше (B), предполагая и демонстрируя, что он не внес в полной мере своего вклада в развитие диалогической инициативы по имеющемуся сценарию, *то* Π_2 не возражает ему (B^1) и тем самым не препятствует реализации его намерения и цели;

3) *если* Π_1 хочет прекратить (закончить) свое речевое выступление, считая цель своего выступления достигнутой (В), *то* другой собеседник (Π_2) понимает его намерения, принимает их и выражает (подтверждает) свою готовность поменяться с ним коммуникативными ролями (B^1), чтобы переадресовать направленность воздействия;

4) *если* Π_1 отказывается (не хочет или не считает необходимым) говорить, т.е. выступать в качестве говорящего или инициатора воздействия в обозначенный им промежуток времени (Γ), *то* собеседник (Π_2) принимает на себя роль говорящего (иногда и роль инициатора, в случае угрозы коммуникативного рассогласования или разрыва) и продолжает интерактивный обмен диалогическими шагами в обозначенном временном пространстве (Γ^1), сигнализируя об этом своему собеседнику.

Важно понимать, что в период смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего возможно не только дальнейшее развитие предложенной темы для обсуждения, но также возможна и смена ее. Однако ролевые позиции сценарной интеракции фрейма интервью «*Мой* вопрос – *Ваш* ответ» не меняются: модератор остается инициатором взаимодействия (спрашивающим, интервьюирующим), активирующим, побуждающим адресата к ответным действиям, а гость студии остается отвечающим собеседником, разъясняющим свою позицию, оценку, действия или намерения. Следует также обратить внимание на тот факт, что сценарное диалогическое взаимодействие представляет собой комплексную деятельность, охватывающую коммуникативно - социальную, коммуникативно - психологическую, коммуникативно - регулятивную и интерактивную деятельности собеседников. В этом комплексе деятельностей участники реализуют сложный характер ролевых позиций *говорящего*, обладающего целым набором, репертуаром ролевых исполнений, и *слушающего*. В частности, наряду с ролевыми проявлениями говорящего и слушающего они реализуют роли интерактивного (т.е. *сценарного*) плана, отражающие непосредственно сам характер взаимодействия (отношение друг

к другу, доверие, симпатия vs антипатия, заинтересованность, доброжелательность, позитивный vs негативный настрой не только относительно друг друга, но и в отношении их стран и т.п.) и воздействия (манера поведения, соблюдение статусности, такта, вежливости, учтивости, «интенсивная глубина слов и выражений» и т.п.) партнеров друг на друга, реализуя тем самым поочередно роль *субъекта* воздействия и роль *объекта* воздействия. Именно интерактивный характер диалога-интервью прескриптивно предопределяет, что в момент одноактового (однонаправленного, если судить по стрелке на схеме), воздействия говорящий выступает и как субъект воздействия, а затем, пройдя цепочку имплицативных зависимостей в полном объеме, т.е. от А до Γ^1 или же на уровне пар: [(А – А¹) + (Б – Б¹) + (В – В¹) + (Г – Г¹) и вновь в том же порядке)], и как объект воздействия со стороны своего собеседника-партнера по диалогу.

Помимо интерактивного обмена репликами в процессе взаимодействия наблюдается и информационный обмен между собеседниками в пределах предлагаемого и заданного инициатором тематического пространства типового сценария ТВ-интервью, что позволяет рассматривать поочередно каждого из них как отправителя (*продуцента*) и получателя (*реципиента*) информации не только на уровне отдельного стыка репликовых шагов в схеме «Мой вопрос – Ваш ответ», но и на уровне интерактивных ходов (или блоков) в «прагматограмме» (протоколе) взаимных действий типового сценария. Такая сценарно-протокольная, стратегически нацеленная и обусловленная очередность в действиях собеседников (т.е. прагматограмма их действий) отражает динамику синтагматико-парадигматического и прагмацелевого (или коммуникативно - прагматического) профиля ТВ-интервью как разновидности жанра и фиксирует информативно-смысловую прогрессию (очередность) реализации ролевых проявлений в тематическом пространстве типового сценария ТВ-интервью, раскрывая тем самым сукцессивные процессы стыков (узлов) репликовых шагов и ходов в

соответствии с реализацией директивного иллокутивного показателя типового диалога «Вопрос – интервью», чтобы они (репликовые шаги и ходы) не казались случайными, неподготовленными и алогичными (подробнее о вербальной репрезентации иллокутивных знаний и понятии «прагматограмма» диалогического взаимодействия см.: Романов, 1989; 1989а; 1991: 39-40; 1991а: 82-100; 1992; 1995; 2006: 135, 158; ср. также: Романов, 1988: 103-114).

Понятно, что результативное, согласованное взаимодействие между отправителем информации и её получателем в рамках политического ТВ-интервью является *основой* для коммуникативного акта «интервью» в целом и его интерактивной сущности, в частности, когда роль отправителя информации в указанном взаимодействии сводится к тому, чтобы реализовать свое сообщение (т.е. быть автором, продуцентом, отправителем) и доставить его получателю (адресату, реципиенту), а получатель, в свою очередь, обязан обработать (*получить – понять – принять*) его в соответствии с перспективой сценарного плана и его протоколом (*прагматограммой*) обмена вербальными действиями и затем отреагировать отправителю соответствующим образом, т.е. в соответствующей вербальной форме, конструкции, подтверждающей данный прием информации (см. в этой связи «архив» специальных речевых действий в диалоге, предназначенных подтвердить прием информации от собеседника в: Романов, 1988; 1991). В процессе доставки информации отправитель как модератор должен дать описание (дескрипцию) желаемого результата, а также указать средства достижения такого результата, пригодность этих средств для решения поставленных задач в диалоге-интервью и обозначить норматив (*предписание*), задающий характер и последовательность интерактивных действий в прагматограмме типового сценария «Мой вопрос – Ваш ответ», предназначенных для достижения намеченной цели, которая не должна противоречить нормативному следованию выделенных выше имплицативных пар от А до Γ^1 в пунктах 1 – 4.

Кроме того, модератор, впрочем, как и гость студии, не должны, по возможности, использовать свои действия для разжигания национальной розни и личных распрей, не устраивать ненужных споров и не относящейся к тематическому пространству ТВ-интервью полемики, не высказывать прямых оскорблений и подозрений в неискренности в адрес друг друга и, в особенности, гостя, обладающего высоким статусом, не проявлять неуместных каламбуров и атакующих выпадов, не допускать выражения двусмысленных шуток с демонстрацией элементов кривляния, шутовства и скоморошества. Больше того, собеседники должны избегать вербального провоцирования, приводящего к откровенному раздору, конфликту и неприязни. И, наконец, собеседники должны стараться не употреблять многозначных выражений, которые могут быть истолкованы в ущерб сценарной прагматограмме и смысловому содержанию диалога, не демонстрировать приоритет личных амбиций для того, чтобы в пылу полемического задора не демонстрировать друг другу свои личные амбиции, общественную и политическую значимость, важность и статусность, не уязвлять самолюбие и не умалять статусности своего оппонента, не стремиться переспорить (особенно – перекричать) друг друга и воздерживаться от грубых и неожиданных выпадов, способных привести к резкой и даже антагонистической конфронтации, например, объявление другой стороны «врагом», «агрессором», «захватчиком», «мошенником».

Во избежание ненужной и неоправданной конфронтации получателю, в свою очередь, также необходимо в первоочередном порядке совершить реконструкцию намерений отправителя, чтобы осуществить поиск начального, исходного или любого другого фрагмента диалогического взаимодействия сценарного формата, соотносимого с конечным результатом, а именно: донести в наилучшем виде до телеаудитории свой «персонифицированный образ», чтобы вызвать её симпатию к образу своей страны, организации, кампании, фирмы. Исходя из представлений о предлагаемом результате реконструируется и цель ответного действия,

которая подсказывает получателю (адресату, гостю) последующие шаги и действия партнера – и, конечно же, свои собственные – в типовом сценарии ТВ-интервью. При обнаружении (проявлении) несовпадений между реальными и предсказываемыми (т.е. предписываемыми «протоколом») типовым сценарием действиями осуществляется корректировка. Для этой цели должен быть заранее заготовлен соответствующий набор коррективных или корректирующих регулятивов, которые могут быть востребованы в возможной или предложенной модели диалогического общения политического ТВ-интервью, чтобы припасённые заранее «заготовки» могли способствовать модификации своей гипотезы и линии поведения относительно выбранной цели или намерений партнера-модератора.

Безусловно, отмеченная выше сценарная очередность пошаговых секвенций в действиях участников политического ТВ-интервью прескриптивно детерминирует готовность участников (и модератора, и гостя) ТВ-интервью вообще, – а участников политического ТВ-интервью в особенности – к продуктивному и результативному взаимодействию. Обозначенная детерминированность не исключает, однако, определенных «заготовок» и со стороны модератора, охватывающих проработку материала (заготовок, «досье) о госте, а именно: его образование, политические взгляды, политический опыт, яркие высказывания (ср., например, «прислать доктора» к олигарху, «мочить в сортире террористов» у В.В. Путина или известное «highly likely» / «хайли лайкли» как безапелляционное утверждение у британского премьер - министра Т. Мей), политические и социальные акции, результаты деятельности (достижения, провалы и неудачи) на своём посту, уровень рейтинга соцопросов в своей стране и за её пределами, отзывы в СМИ своей страны и отзывы зарубежных СМИ, оценки его деятельности оппозиционными силами и т.п.

При этом прескриптивная детерминированность не исключает поиск со стороны модератора целого арсенала «болевых» точек приглашённого гостя, а именно: содержание его любимых и нелюбимых тем в печати, а также

обсуждение этих тем в реализованных интервью различным медийным ресурсам, его «язык» в общении с гражданами, политиками, бизнесменами, обращая особое внимание на оговорки, «ляпы», неудачные фото, двусмысленные высказывания, действия или поступки. К таковым, например, могут быть отнесены кадры видеоряда, в которых зафиксировано в Москве появление перед телекамерами Х. Клинтон с надписью на кнопке «перегрузка» вместо «перезагрузка», а также фотографии в интернете Б. Обамы на занятиях по физподготовке с гантелями, его езда на велосипеде или телекадры встречи с детьми Дж. Буша младшего, держащего в руках перевернутую вверх ногами книгу, и т.п.

Заготовленный арсенал «болевых точек» гостя студии показывает уровень подготовленности модератора к «агрессивному провокативному дискурсу», в котором он может раскрыть уровень образованности и осведомленности собеседника-гостя о положении дел в мире или в какой-либо конкретной стране, о географическом местонахождении и передвижении известных в мире персон, о нормах поведения и правилах этикета в обществе, а также о случаях их публичного нарушения. Так, в частности, в ходе интервью модератор может использовать демонстрацию кадров телесъемки поцелуев на публике известных мужчин-политиков и втянуть гостя в обсуждение этой ситуации с соответствующим комментарием, оценкой, личным мнением или предложить для обсуждения зафиксированный камерой ТВ сюжет, когда на виду у всех высокопоставленный чиновник ЕС пытается потрепать за щеки / дёрнуть за нос коллегу по саммиту. Модератор может также неожиданно попросить гостя высказать своё мнение о действиях публичных персон (например, Председателя Еврокомиссии К. Юнкера, которые медийно получили огласку в связи с его «болезненным состоянием» после завершения обеда на европейском саммите НАТО), либо предложить прокомментировать шутливую попытку Б. Обамы обнять королеву Англии ниже талии,

напомнить Президенту РФ о его фотографиях с голым торсом на рыбалке в Хакасии и т.п.

При этом в студии у «раскрепощенного» модератора имеется возможность во время интервью неоднозначно истолковать подобного рода информационные «заготовки» не только перед собеседником, но также и перед потребителем масс-медиа или массовым зрителем. Больше того, у модератора-интервьюера также есть возможность сопроводить подобные «инфозаготовки» собственным комментарием как с позиций противоположных коммуникативных ожиданий, так и с позиций их социального и культурного опыта своей страны, а также оценить такие «заготовки» с учетом своей родной культуры и бытующих в ней стереотипов в отношении инокультурных акторов политического диалога-интервью. В этом ракурсе политическое ТВ-интервью уже представляет собой фрагмент процесса межкультурного взаимодействия, который в определенной степени детерминирован и затрагивает этнокультурную специфику гостя как инокультурного собеседника. В этом плане показателен и поучителен пример проведения политического интервью корреспондентом «АиФ» Г. Зотовым с президентом Эстонии А. Рюйтелем, в котором тактично и уважительно показана вербальная реализация стратегии политически аргументированного «фехтования» российского корреспондента в диалоге с прибалтийским представителем толерантно - стереотипного западноевропейского взгляда на оценку итогов Великой отечественной войны (Морозова, 2005: 179-189).

Адресат, со своей стороны, теоретически и гипотетически также имеет возможность готовить себя в подобном ключе к политическому ТВ-интервью. Однако в отличие от модератора гость-адресат не может быть точно осведомлен о конкретной персоне интервьюирующего, так как даётся согласие на интервью телекомпании, а не отдельной личности. И хотя бытует практика давать политическое ТВ-интервью конкретной, уже зарекомендовавшей себя в глобальном медийном пространстве личности (ср., например, Лари Кинг, Вл. Познер или Вл. Соловьёв), тем не менее гость-

адресат, как действующий политик, готовит себя в первую очередь к совместному (синергийному) диалогу-интервью для обсуждения с интервьюером широкого круга вопросов, чтобы совместно с ним добиться (получить) результирующий (ожидаемый) положительный коммуникативный эффект. Безусловно, гость-адресат может и обязан пресуппозитивно предполагать, что выработка такого совместного результирующего эффекта лежит в плоскости напряженного диалогического взаимодействия и поэтому не исключает острой дискуссии, открытой полемики и даже неприкрытой конфронтации. Тем не менее, гость-адресат настроен и заинтересован предпочтительнее всего использовать в своих вербальных практиках манеру убеждающего, в том числе, и разъясняющего, аргументированного воздействия. В этом плане жанр политического ТВ-интервью широко практикуется как внутри страны, так и за её пределами в качестве инструментария разъяснения позиций лидера государства, правящей партии, правительства или какого-либо отдельного представителя властных структур, культуры, бизнес сообщества, если для этого существует необходимость ввиду возможного или уже возникшего политического (или геополитического) трения, противостояния, назревающего конфликта или торгового соперничества.

Предварительные знания о наличии прескрептивной (предписывающей) готовности и реальной возможности собеседников (модератора и гостя-адресата) реализовать эти знания в дискурсивном пространстве предстоящего политического ТВ-интервью открывают широкие возможности для вербального поведения модератора, который по формальному праву инициатора и коммуникативно-сценарного лидера может самостоятельно выбирать и предлагать собеседнику различные фреймовые конфигурации диалога-интервью. Практически любая фреймовая конфигурация, включает в себя различные терминалы, слоты и субслоты, которые, опираясь на свои валентные семантические свойства, позволяют в ходе беседы легко переходить от одного терминала, слота или субслота к

другому – ближайшему или отдаленному по семантике – слоту (см.: Романов, 2002; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова. 2015; 2017; 2017а; 2017б; 2018-2018в; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015а; 2017). Участники политического ТВ-интервью знают о том, что обозначенная тематика – тема, в трактовке В.Н. Волошинова (1930: 101) – обсуждаемых вопросов в дискурсивном пространстве политического ТВ-интервью *лабильна* и в плане речевого поведения интерактантов может быть *ограничена* лишь общими рамками жанрового формата, так как предложенный телевизионный формат общения чаще всего не содержит в себе заранее предъявленных модератором вопросов и предварительно подготовленных письменных ответов со стороны адресата-гостя, чтобы не создавать впечатление скучной и заорганизованной беседы.

Тем не менее, открытая форма «доверительной» беседы не исключает возможного использования дополнительных форм развития (развертывания) политического интервью, которые допускают определенные отклонения от выбранного формата обсуждения в широких пределах – *от* использования конкретных «мягких», «гибких» и располагающих форм фатического («контактного», адверзивного, непротиворечивого или согласованного) общения для создания раскрепощенной атмосферы взаимодействия или порождения у гостя иллюзии простого и непринужденного разговора *до* нарочито намеренной демонстрации мнимой раскованности или открытой демонизации каких-либо фактов, событий или черт и свойств личности адресата-гостя, а также его коллег по «цеху» в международном масштабе (Романов, 1989; 1995; 1997; 1999; 2001; Романов, Царьков, Романова, 2018), переходящих к директивно-провокативному – вплоть до открытой неприязни – использованию вербальных агрессивных форм «жесткого» влияния, неприкрытого эмоционального давления или балансирования на грани фола, перемежающихся вариантами политического *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и, частично, *буллинга*.

Обозначенные провокативные варианты речевой агрессии в виде раскованных высказываний, небрежно-развязанной манеры общения и использования – с точки зрения семантики и верификации на фактуальность «истина / ложь» – «фейковых аргументов» в политическом ТВ-интервью можно рассматривать в качестве *вербальной разновидности* политического *инструментария* директивного давления «*мягкой силы*», облаченной [«загороженной – «hedged», в трактовке Б. Фрейзера (Fraser, 1975)], или скрытой, спрятанной в свободные «одежды» демократичного проявления жанра интервью и скрывающей своё истинное функциональное предназначение: выполнять роль «*информационного тарана*» в подрыве авторитета своего политического оппонента по общению. В зависимости от своей функционально - семантической специфики каждая из перечисленных разновидностей по-своему участвует в реализации вербального агрессивного-провокативного поведения. Кстати сказать, оба собеседника, соглашаясь реализовать свою аргументационную позицию, могут в равной мере использовать ту или иную разновидность провокативно-агрессивного вербального поведения. Однако, как уже отмечалось, у инициатора, выступающего в роли модератора интервью, имеется больше возможностей в выборе провокативно-агрессивных средств в силу своего ролевого преимущества, т.е., не соблюдая закреплённую схемой «Мой вопрос – Ваш ответ» очередность взятия шага, предлагать вне очереди (навязывать) свой дискурсивный шаг (см. выше схематический порядок «взятия шага» в диалоге-интервью), чтобы *открывать* интервью, *направлять* развитие тематического пространства его, а также *менять* по своему усмотрению тематику отдельных этапов интервью-диалога, *закрывать* тот или иной этап в обсуждении тематического пространства интервью или по личному замыслу *перескакивать* с одной темы на другую, *комментировать* и *дополнять* ответы своего студийного гостя и, наконец, *заканчивать* беседу-интервью в любой подходящий для себя или в оговоренный с гостем заранее момент.

В политическом ТВ-интервью *троллинг* (от англ. trolling – ловля рыбы на блесну) применяется модератором как заведомо провокационные сообщение-вопрос, сообщение-утверждение, сообщение-просьба или сообщение-предложение, преднамеренно используемые им для вывода своего партнера по общению из психологического равновесия, чтобы, подзадорив, побудить (быть причиной, каузировать) его на эмоциональной волне раскрыть свои установки, намерения, оценки, взгляды, планы и в ещё большем объеме донести до зрителей личную позицию. Причем, такое провокационное сообщение готовится модератором заранее и преднамеренно. В политическом интервью такое *троллинговое* сообщение-вопрос может касаться широкого круга тем: от личных и даже интимно-личных – до самых актуальных проблем мироустройства. Но чаще всего такие сообщения-вопросы затрагивают наиболее острые и актуальные моменты мировой политики и экономики, а также касаются отношений между государствами в той или иной сфере взаимодействия.

Нередко *троллинг* применяется в полемическом задоре с обеих сторон, когда возникает необходимость «мягко» скорректировать позицию собеседника или высказать определенную критику в сторону другого государства («нашего партнера»). В полемическом задоре *троллинг* также используется в диалоге-интервью, если один из собеседников чрезмерно увлекается приведением односторонних аргументов и злоупотребляет информационным поводом для активной самопрезентации или лоббирования интересов в пользу другой (третьей) стороны. Не менее успешен *троллинг* в ситуациях диалогического обмена, если модератор не может в открытом порядке получить от собеседника нужную информацию и надеется, что гость-адресат в эмоциональном порыве сможет проговориться о чем-то личном, ещё неизвестном. Наиболее частотными в этом плане являются высказывания модератора о вкусах, оценках, предпочтениях, ссылки на высказывания других политиков, мнения в СМИ, данные опросов и рейтингов, на которые возможно дать диаметрально противоположный ответ,

который становится поводом для новых уточнений, разъяснений и оценок.

Особенно популярны в политическом ТВ-интервью вопросы биографического порядка, которые в провокативном плане всегда можно прокомментировать с определенным подтекстом и которые всегда могут служить поводом для увода от актуальных или наиболее спорных и острых проблем в интервью. Поэтому модератор, используя элементы *троллинга*, стремится осветить определенную ситуацию в необычном ракурсе и пустить её обсуждение даже с противоположной стороны или с определенными оценками, выдвигая на первый план какой-нибудь биографический факт таким образом, чтобы побудить гостя и зрителя посмотреть на него другими глазами. Обозначенный прием *троллинга* характерен в сочетании с внезапным тематическим поворотом беседы, когда гость-адресат не ожидает резкой смены темы и может допустить какую-нибудь неточность, ошибку или оговорку. Нередко такое речевое поведение сродни охотничьему гону дичи с выжиданием и использованием ложных манков, подставками, сменой ритма, который в процессе беседы-интервью одновременно превращается в интерактивную агрессивную форму *целенаправленного преследования и давления*. Таким образом, в настоящее время *троллинг* в политической коммуникации вообще и в политическом ТВ-интервью, в частности, представляет собой одну из наиболее активных коммуникативных практик, используемых СМИ в качестве воздействующего инструментария «мягкой силы» на консьциентальную сферу как своей аудитории, так и на аудиторию противоположной стороны, которую представляет приглашённый гость.

Достаточно близкими к *троллингу* в функционально-семантическом плане провокативно-директивного вербального поведения являются коммуникативные практики *флейминга* и *моббинга*. **Флейминг** (от англ. flame – пламя; пылать) в жанровой разновидности политического ТВ-интервью можно рассматривать как дополняющее продолжение (т.е. полемическое разжигание, постепенно переходящее в пылание, полыхание, расширение – в плане интенсификации) *троллинговой* линии вербально-

интерактивного поведения модератора с эмоционально-логической каузацией гостя-адресата к «диалогическому фехтованию» (Романов, Романова, 2018; 2018а; 2018б; 2018в) или обмену эмотивно-заряженными (аффицированными) диалогическими репликами-шагами, превращая определенную часть тематического пространства интервью в открытую полемику. С этих позиций *флейминг* можно с полным правом считать следствием *троллингового* «вброса» того или иного острого и провокативного сообщения, влекущего за собой определенный ответ гостя-адресата., результатом чего возникает («вспыхивает») эмоциональный обмен мнениями, фактами, доводами, аргументами и т.п.

Иначе говоря, с формально-логической точки зрения *троллинговое сообщение* любого порядка есть условие для возникновения (или запуска) *флейминга*, который функционально предназначен развивать линию *троллинговой* атаки и приводить её к особому результату, а именно: не теряя порядка общего обмена речевыми действиями, эмоционально «завести» гостя-адресата с целью получить больше подробностей, мелких деталей, частных наблюдений и оценок для их использования в собственных комментариях и выводах. Очевидно, что, используя *флейминговую* манеру общения, модератор стремится либо получить, либо создать подробный «портрет вербальной личности» политика-гостя, чтобы представить его во всех красках и ракурсах своим зрителям или слушателям (ср.: Романов, Романова, Царьков, 2018).

Практикуя *флейминговую* форму эмоционального давления на гостя-адресата, модератору важно определить «окно» дозволенного в своём дискурсе или границу агрессивного воздействия и взаимодействия, чтобы не перейти (не завестись самому) на обмен «любезностями» относительно друг друга и не скатиться таким образом к созданию *взаимного троллинга*. В противном случае политическое ТВ-интервью будет приобретать характер деструктивной перебранки (ср. попытки американских оппозиционных СМИ взять интервью у Д. Трампа) или открытого конфликтогенного

политического противостояния, направленного *либо* на субъективно-оценочное – положительное / негативное – отношение интервьюера к имиджу гостя-адресата, конкретно к его личности и, соответственно, к стране, *либо* на негативное отношение к предмету тематического пространства, затрагивающего репутационный капитал и имиджевый «персонифицированный» образ страны интервьюируемого.

Учет модератором перспективы такого развития беседы-интервью помогает сдерживать эмоциональный уровень агрессивного речевого взаимодействия и способен служить определенным ограничительным фактором, смягчающим агрессивное вербальное поведение модератора во избежание открытого международного скандала. По этой причине в процессе политического ТВ-интервью инициатор, выполняя роли «хозяина» в студии и модератора беседы, не вправе – по «законам» гостеприимства – применять обширный арсенал *толлинго-флейминговых* средств для эмоционального давления на приглашенного гостя. Тем не менее, интервьюер может выборочно применять какие-то отдельные элементы из указанного арсенала в качестве *директивного* (побуждающего) *инструментария* «мягкой силы», чтобы регулировать ритм диалога-интервью и тем самым поддерживать или даже «подогреть» интерес зрителей к тематическому пространству интервью и, конечно, к личности гостя и его стране с учетом своих политических пристрастий, полученных от бенефициара установок и специфики конкретного момента в международных отношениях.

В жанровой разновидности политического ТВ-интервью *моббинг* (от англ. *mob* - толпа; *mobbing* – притеснять, грубить, нападать) представляет собой разновидность комплексного вербально - агрессивного креализованного коммуниката-сообщения в виде ссылок на источники, авторитеты и даже слухи. Наиболее активно *моббинг* используется модератором-интервьюером для информирования других с целью демонстративной поддержки чьего-либо агрессивного поведения, которая

выражается в сокрытии определенной информации, в демонстрации сплоченности рядов своих сторонников и союзников (например, со стороны какой-нибудь отдельно взятой страны, широкого объединения стран – ЕС, НАТО, БРИКС, ШОС или со стороны ТВ кампаний, медиа-групп или какой-то отдельной группы людей), отмеченных тем или иным информационным поводом.

Политический *моббинг* также широко представлен в арсенале воздействующих на консциентальную сферу адресата вербальных средств «мягкой силы» в плане эксплицитной демонстрации

– *а)* социальной изоляции политической линии гостя, его страны,
– *б)* намеренной несправедливости в интерпретации политических решений гостя,

– *в)* раскрутки и тиражирования необоснованного «обвинительного» уклона в оценках персонализированного образа «лидер / политик / общественный деятель / популярная личность – страна» и

– *г)* сплочения свои сторонников, готовых поддержать единичные или коллективные *моббинговые* действия против гостя и его сторонников, а также, соответственно, и против страны приглашенного на интервью лидера-политика.

Здесь следует заметить, что в силу своей специфики общения «лицом – к лицу» и «глаза – в – глаза» с гостем студии, за которым стоит авторитет и определенная мощь его страны, агрессивная *моббинговая* форма поведения модератора в политическом ТВ-интервью значительно отличается большей лабильностью, мягкостью, сбалансированностью и целесообразностью в плане своего выражения по сравнению с *моббингом* как формой коллективного или группового психологического давления, запугивания и травли в обыденных условиях социальной коммуникации. Так, в частности, в политическом ТВ-интервью практически редко можно встретить формы явного и беспардонного запугивания, грубости, дискриминации или притеснения, открытого неуважения и намеренного

грубого оскорбления со стороны модератора. Однако, все же можно встретить в практике информационного противостояния демонстративный обмен медийными «любезностями» в духе психологического *моббинга* между действующими политиками: ср., например, такой обмен между Д. Трампом и корейским лидером Ким Чен Ыном перед их встречей.

Сходными с *моббингом* в функционально-семантическом плане провокативно-директивного вербального поведения модератора-интервьюера в политическом ТВ-интервью можно считать коммуникативные практики *буллинга* как формы агрессивного поведения, используемые для систематического эмоционального давления в одном из выбранных направлений в тематическом пространстве беседы-интервью, чтобы особыми средствами, особым образом побудить (заставить, принудить, каузировать) гостя-адресата к

- *а)* изменению своего поведения, своей точки зрения,
- *б)* признанию каких-либо провокативных медийно-дискурсивных «фактов», например: «дело Скрипалей», «Панамское досье», «вмешательство» в выборы различных стран, «осуществление химических атак», «планирование внезапного военного вторжения» и т.п.,
- *в)* согласию с растиражированными в различных СМИ версиями, мнений, утверждений, необусловленных фактуальной реальностью, а основанных на известных как «хайли лайкли» измышлениях, и
- *г)* выработке чувства «вины», моральной ответственности и «покаяния» за происходящие в мире события и разного рода перемены (например, за: «преступную оккупацию» Прибалтики в 40-е годы прошлого века, за «проигранное танковое сражение под Прохоровкой на курской дуге» в 1943-м году, за подмену допинг-проб на зимней олимпиаде в Сочи, за притеснение ЛГБТ-сообщества, отсутствие «подлинной» демократии, народовластия, свободы слова и т.п.

В отмеченной плоскости *буллинг* (англ.: *bullying*) образован от английского слова “bully”, которое в ходе исторического развития трансформировалось в своём значении от «возлюбленный / возлюбленная» до «угнетателя слабых», «хулигана», «драчуна», «задиры», «грубияна», «насильника», ассоциирующегося с современным английским “bull” в значении «бык». Кстати, в русском языке есть в просторечном употреблении глагол «быковать», возникший в 90-е годы прошлого века в значении «опираясь на силу, вести себя беспардонно, грубо, без правил». В диалогическом взаимодействии *буллинг* представляет собой вербальную разновидность манеры целенаправленного, агрессивно-навязчивого, беспардонного и постоянного цепляния, преследования, обидных комментариев в адрес своего собеседника и придирок, создающих психологическое давление, побуждающее адресата ощущать себя в психологическом плане дискомфортно – униженным, расстроенным, обиженным, уязвленным, затравленным, деморализованным и одиноким.

Психологическая направленность *буллинга* как формы непрерывного (перманентного) вербального агрессивного поведения может затрагивать не только непосредственного собеседника и его близкое окружение, друзей, родственников, но и страну приглашенного для интервью гостя. Стоит признать, что *буллинговую* форму вербального поведения может использовать в равной степени каждый из участников беседы-интервью, рискуя, однако, превратить данную разновидность диалогической интеракции в *обоюдный буллинг* или банальную пикировку-перебранку. При этом следует понимать, что создание психологической напряженности при помощи *буллинговой* формы агрессивного поведения не требует от модератора или гостя создания особых условий или поиска какого-то специального повода.

Характерно, что повод для *буллинга* с обеих сторон может быть самым разным и неожиданным, так как применение *буллинга* возможно и без каких-либо конкретных оснований и явных причин. В частности, например, одному

из участников ТВ-интервью может показаться не полным ответ на поставленный вопрос или необычной и странной манера аргументировать свою позицию. Тем не менее, в политическом интервью каждый участник, а приглашённый гость-политик в особенности, должен быть готов ожидать от своего оппонента *буллинговых* нападков, ибо тот, кто отличается от других своим положением, авторитетом, манерами и популярностью, скорее всего, может оказаться объектом такого агрессивного воздействия. Отметим ещё раз: в политическом интервью в фокус внимания выносятся не просто какой-то факт или событие, а, прежде всего, раскрывается личность приглашенного гостя-политика, портрет которой интервьюер «рисует» в процессе беседы на фоне уже отмеченных прессой и известными телезрителям фактов, событий, мнений и заявлений. Для этих целей в процессе беседы модератор-интервьюер периодически – т.е. время от времени – примеряет на себя роль «булли» (от англ. “bully” – задира, грубиян, драчун, хулиган), чтобы побудить (спровоцировать, каузировать) приглашенного в студию политика ответить на неприглядные действия, которые могут даже задевать (или даже оскорблять) достоинство личности гостя или его страны. Попутно заметим, что к разряду неприглядных действий могут также относиться необоснованные *подозрения* модератора, а также *слухи*, тенденциозные *цитаты* из СМИ, различные *ссылки* на данные заказных рейтингов и общественных организаций, на положение в стране гостя-политика с демократией, правами человека, экономикой и т.п.

Примеряя на себя роль «булли», модератор интервью не стремится в полной мере прибегать к имперсонизации, чтобы выдавать себя за какую-то другую личность или представлять себя отстраненным, безучастным, абсолютно «стерильным и объективным вопрошающим субъектом с целью нанести ущерб репутации гостя или его стране, как это часто бывает, например, в «пранкерских интервью» или в сетевых коммуникациях, где модератор, как правило, прячется за каким-нибудь ложным именем («ником»). Скорее всего, в остром, полемическо-агональном политическом

интервью-диалоге инициатор – как «хозяин» студии – выступает в роли «булли-модератора», которая одновременно соединяет в себе комплексные свойства «тролля» («подстрекателя», «провокатора», «неуступчивого задиры»), «флеймера» («поджигателя», «неутомимого и неуступчивого спорщика», постоянно требующего от интервьюируемого всё новых и новых подробностей, деталей, нюансов) и «моббера», солидаризирующегося с заявленными мнениями других сторон в информационных атаках, нападках, обвинениях и резолютных суждениях относительно личности гостя, его политических пристрастий и линии поведения руководимой им страны.

В этом плане модератор-интервьюер выполняет сложную, *комплексно-интегративную* и в то же время *противоречивую* – по линии директивного наступательного поведения – роль «*заинтересованного спорщика*», который в агрессивно-алармистской манере стремится эмоционально «завести» своего собеседника, чтобы вербально-логическими уловками вывести его на откровенный, эмоционально-принудительный разговор и таким образом, *цепляясь* как «булли» за различные поводы, оговорки, неточности и недомолвки адресата, получить (точнее – «вытянуть», «выколотить», «выпотрошить») нужные характеристики для формирования «личностного портрета» приглашенного на интервью гостя. Здесь уместно заметить, что роль «хозяина студии» является константной для модератора-интервьюера и исполняется им независимо от того, где конкретно корреспондент берет интервью – у себя в студии ТВ, в каком-нибудь другом месте, например, в студии ТВ страны политика или на саммите в нейтральной стране.

Примером отмеченного поведения со стороны модератора-инициатора может служить политическое ТВ-интервью Президента РФ австрийскому телеканалу ORF в преддверии визита в Австрию, в котором В.В. Путин ответил на вопросы ведущего (модератора) австрийской телерадиокомпании Армина Вольфа (см.: ORF Wladimir Putin-Interview / Ungekürztes deutsches Transkript, 4. Juni 2018; русскоязычная версия представлена на Kremlin.ru 4 июня 2018 года, 22:00, г. Москва). В качестве необходимого примечания

следует отметить, что немецкий текст семантически точнее отражает наступательную позицию австрийского интервьюера в плане языкового выражения выбранной им агрессивно-наступательной манеры ведения диалога-интервью, характеризующейся обвинительно-результативным содержанием своих вопросов, которые призваны навязчиво и недвусмысленно сформировать у собеседников и зрителей тематическое пространство беседы в виде гиперфрейма «Вина России и ответственность её руководителей за всё происходящее в мире». Поэтому генеральная интенция модератора-интервьюера сводилась в диалоге к постоянной актуализации данного гиперфрейма, чтобы таким образом заставить своего собеседника-адресата взаимодействовать с корреспондентом в рамках предлагаемого интервьюером тематического пространства гиперфрейма. Совершенно понятно, что, в свою очередь, основная задача второго коммуниканта в роли адресата и «гостя» заключается в том, чтобы, отвечая на вопросы, выйти в своих ответах за рамки навязываемого ему тематического пространства гиперфрейма и нарушить валентно-семантическую связь терминалов, слотов и узлов его структуры (в том числе и взаимосвязь между тематическими блоками гиперфрейма), оспаривая и ставя под сомнение тот или иной конкретный тематический узел гиперфрейма, тактично и аргументированно доказывая нецелесообразность его использования и актуализации.

Схематически гиперфреймовое пространство политического диалога-интервью «Вина России и ответственность её руководителей за всё происходящее в мире» можно разбить на три тематических блока. *Первый* тематический блок – *прецедент* – в зависимости от актуальности и направленности конкретных вопросов (интеррогативных дискурсивных практик) может включать в себя любой тематический (информационный) терминал, например: «Допинговый скандал российских спортсменов», «Панамагейт», «Дело Скрипалей», «Вмешательство в американские выборы», «Вмешательство в дела (политические, экономические и др.) других государств», «Усилия России по развалу ЕС» и т.п. Ср. в этой связи

популярный в интернете хэштег #russiansdidit (#это сделали русские): наводнение в Баварии – виновата Россия (и лично Путин). При актуализации блока «вина России» модератор не утруждает себя аргументационным арсеналом (набором) реальных фактов, а ссылается на бытующую в медийном пространстве дискурсивную реальность в виде заявлений, мнений, высказываний: «если зафиксировано в печатном слове или в информационном пространстве, то значит зафиксированное существует». Поэтому для идентификации тематической доминанты того или иного узла им используются слова с эксплицитной отрицательной семантикой, например: *скандал, аннексия, отравление, вмешательство, покушение на государственность* (Украины) и т.д., что позволяет модератору считать (объявлять, декларировать) данный тематический блок соответствующим фактом и позиционировать этот «вербальный факт» как негативный для имиджа России и персонифицированного образа её руководителя.

Второй тематический блок – *нарушения закона* – имеет ярко выраженную негативную окраску, что достигается при помощи использования модератором таких ключевых слов, которые «запускают, каузируют», актуализируют и внедряют данный блок в тематическое пространство гиперфейма и массовое сознание зрителя. К разряду таких ключевых, «стартерных» слов модератора относятся следующие слова-маркеры: «*преступные намерения*», «*незаконность*», «*аморальность*», «*хакеры*», «*фабрика троллей*», «*киберпреступления*», «*оффшоры*» и т.д.

Третий тематический блок – *Российское государство, Россия* – дает точное указание на источник негативного явления и номинирует главного «виновника», благодаря кому или чему возникла та или иная негативная ситуация. Обращает на себя внимание, что оценочный компонент у данного терминала имеет нейтральную окраску, что повышает доверие зрительской аудитории к утверждениям модератора. Однако в этом кроется технологический приём модератора-тролля, так как ему уже не требуются негативные слова для создания отрицательного образа «виновника-злодея»,

потому что общий негативный фон гиперфрейма и двух предыдущих тематических блоков является достаточным для конечной интерпретации всего дискурсивного пространства с отрицательным значением. Указанный блок в отличие от двух предыдущих может расширяться модератором и включать в себя в ряде случаев дополнительные тематические узлы, позволяющие уточнять детали и обосновывать аргументативную базу своего обвинения. Чаще всего такая «база» увязывается с конкретными лицами и в беседе формально подается в виде логической связки, например: «друг *Путина*» или «родственник» конкретного лица, например: «*российского чиновника, государственного деятеля*», человека, «*связанного с госструктурами*», «*получающего госзаказы*». При этом модератор может и не утруждать себя доказательной базой в своих, далеко нериторических вопросах, представляющих бездоказательные утверждения, которые конструктивно являют собой простое соединение любого наименования со словами «*российский*», «*президент*», например: «*повар Путина*», «*российские хакеры*», «*российские тролли*» и т.д.

Работу модератора с блоковыми пространствами можно показать на ряде фрагментов указанного интервью, в которых корреспондент (А. Вольф) стремится воздействовать на адресата с объединенной интегративной позиции «*заинтересованного спорщика*», одновременно демонстрирующего линию директивного наступательного поведения *тролля, флеймера, моббера* и *булли* с целью эмоционально «завести» собеседника и «погрузить» его в негативное тематическое пространство гиперфрейма «Вина России и ответственность её руководителей за все происходящие в мире события», ср.:

А. Вольф (4): *Несмотря на это, западные правительства, Европа, и прежде всего США, обвиняют Россию в том, что она вмешивается во внутреннюю политику других государств силами хакеров. Во всех интервью Вы говорите, что это не так, однако нет сомнений в том, что в Санкт-Петербурге на протяжении многих лет есть так называемая Internet Research Agency, которая пытается в Фейсбуке повлиять*

на публичные дебаты. *Эти* так называемые фабрики троллей *принадлежат* Евгению Пригожину, *которого* Вы очень хорошо знаете, *его называют* поваром Путина, *поскольку* он обслуживает всех Ваших гостей. Неужели хорошо, что *тот, кто поддерживает такие тесные отношения с российским руководством,* занимается фабриками троллей?

Отметим, что функционально-тематическое пространство интервью включает в себя 42 вопроса модератора и 42 ответа на них со стороны собеседника. Примечательно, что уже в самом начале своего интервью корреспондент австрийского телеканала (А. Вольф) в своем первом вводном вопросе выбирает атакующую тактику ведения разговора, очерчивая тематическое пространство разговора и его обвинительную иллокутивную доминанту: «...Ваш первый зарубежный визит ведёт Вас в Австрию. Это своего рода *поощрение* за благожелательную политику в отношении России со стороны австрийского правительства, которое *выступает против новых санкций ЕС и не выслало российских дипломатов* из-за «дела Скрипаля»? Кстати сказать, в немецком варианте транскрипта интервью модератор использует экспрессивное выражение «in der Skripal-Affäre», которое содержит в структуре своего значения негативные (отрицательные) признаки, ср.: Affäre f =, - n 1) (неприятное) дело; похождение; афера; 2) юр. процесс, судебное дело, спор; die Affäre Müller – дело Мюллера (Леппинг, Страхова и др., 1969: 73; ср. также русск.: афёра – ы, ж. *Недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие* в словаре С.И. Ожегова, 1990: 38). Кроме того, в немецком транскрипте диалога подчеркнута оценка «*дружественная политика нового австрийского правительства*» («die russlandfreundliche Politik der neuen österreichischen Regierung»).

Подобное начало диалога, включающее в себя отмеченные оценочные показатели, не может не выдавать агрессивно-деструктивной, обвинительной направленности вербального поведения модератора в диалоге-интервью, которое граничит с поведением кибер-тролля. Ср. выбранное модератором значение «in der Skripal-Affäre», подчеркивающее юридический – *судебный*,

обвинительный – формат в «деле Скрипалей». Обозначенную линию поведения модератор стремится развивать, задавая второй и третий вопросы, например: А. Вольф (2): *«Частично российское правительство поддерживает хорошие отношения с некоторыми членами австрийского правительства. В 2016 году «Единая Россия» заключила соглашение о партнёрстве со Свободной партией Австрии. Почему именно с ней?»* Причем, в третьем вопросе корреспондент усиливает свою агрессивную позицию, реализуя дополнительно интегративную позицию модератора-флеймера и модератора-булли: А. Вольф (3): *«Вы возглавляли долгое время эту партию, сейчас её возглавляет Медведев. Многие наблюдатели полагают, что российское руководство через партию «Единая Россия» хотело бы поддерживать связи с националистическими партиями, поскольку они хотят разделить Европейский союз. Откуда берутся эти тесные связи между российским руководством и критически настроенными к Европейскому союзу партиями?»*

Здесь нужно признать, что интегративные позиции модератора - флеймера и модератора-булли возникли из ответа на второй вопрос, когда адресат попытался партийные отношения вывести за скобки политических отношений и стремился акцентировать внимание журналиста и телезрителей исключительно на партнерских отношениях между двумя партиями. Сравните: *«Вы сейчас сказали про то, что российское правительство поддерживает хорошие отношения с Австрией, и продолжили этот анализ по чисто партийной линии.... Действительно, Правительство России очень предметно и достаточно глубоко работает со своими коллегами в Австрии без всяких политических предпочтений. У нас в известной степени в отношении политики на австрийском направлении существует общенациональный консенсус, нет таких политических сил, которые бы выступали против развития отношений с Австрией, но на политическом уровне, на партийном могут существовать какие-то предпочтения. И то, что «Единая Россия» наладила отношения именно с той партией, которую Вы*

сейчас упомянули, – это чисто партийные контакты. Я уверен, что «Единая Россия» с удовольствием будет развивать контакты и с другими политическими силами».

Модератор-булли не упустил такой возможности и открыто продемонстрировал припасённые заготовки с обвинительным уклоном, коррелирующие в тематическом ключе с выбранным и озвученным журналистом обвинительным значением, относящимся к юридической сфере, ср. у А. Вольфа (3) «die Affäre» / рус. – «недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие»: «... Многие наблюдатели полагают, что российское руководство через партию «Единая Россия» хотело бы поддерживать связи с националистическими партиями, поскольку они хотят разделить Европейский союз. Откуда берутся эти тесные связи между российским руководством и критически настроенными к Европейскому союзу партиями»? Уместно подчеркнуть, что в немецком транскрипте интервью приводится конкретное название таких критически настроенных к ЕС партий, а именно: «wie der FPÖ, wie dem Front National, wie der Lega Nord, wie der deutschen AfD», которые действительно известны своим критическим отношением к Евросоюзу и с которыми, по выражению журналиста, партия российского руководства «Единая Россия» поддерживает «тесные отношения», несмотря на заверения российского руководства о стремлении видеть ЕС «в качестве сильного партнера», ср. нем.: «Jetzt sagen Sie immer wieder: Das stimmt nicht, Sie wünschen sich die EU als starken Partner – aber warum dann diese engen Beziehungen der russischen Führung zu lauter EU-kritischen Parteien»? Причем в числе таких партий журналист выделяет ряд зарубежных «националистических партий».

Попытка адресата в своём ответе опираться на конкретные аргументы экономического плана и алогичность журналиста в оценке деструктивной деятельности российского руководства по отношению к ЕС была воспринята атакующим модератором со скепсисом. Модератор-троль, модератор-булли, модератор-флеймер оценил ответную позицию адресата как оправдательную

и посчитал, что, по всей вероятности, настал психологический момент окончательно загнать собеседника в угол, включив для воздействия в четвертом вопросе дополнительную позицию *моббера* с присущими этой позиции агрессивными характеристиками: см. выше по тексту четвертый вопрос А. Вольфа (4). Модератор-моббер, превращая свою коммуникативно-ролевую позицию «Я-медиа» в «Мы-медиа» при помощи механизма подсоединения *моббера* к существующему в медиапространстве групповому давлению: «западные правительства, Европа, и прежде всего США» + «Я-медиа» = «Мы-медиа», в декларативно - интеррогативной форме обозначил для интервью дискурсивное тематическое пространство гиперфрейма «**Вина России и её руководства**», вершина которого – для видимой объективности – обозначается от имени «Мы-медиа» актуализированным вершинным предикатом «**обвиняют Россию**» (подробнее о соотношении коммуникативных ролевых позициях «Я-медиа» и «Мы-медиа» см.: Романов, Романова, 2018). Видимая объективность обвинения закрепляется в массовом сознании зрителей оценочными компонентами, несущими *достоверность* и *правдивость* обвинительной коннотации таких словосочетаний, как «западные правительства» (по умолчанию модератор подразумевает, что все без исключения правительства западных стран), «Европа», «США», «нет сомнений в том, что...». Прагматическая цель использования данных оценочных формантов заключается в том, чтобы убедить и собеседника, и аудиторию в том, что образующий вершину гиперфрейма слот *объективен, истинен, достоверен, уместен и имеет полное право быть актуализированным*.

Фактически, модератор может считать, что, используя интегративную – *троллевую, флейминговую, буллевую и моббинговую* – манеру агрессивного поведения и воздействия на адресата в качестве инструментария «мягкой силы», он как журналист на данном этапе реализации политического ТВ-интервью смог добиться поставленной цели при помощи агрессивных вербальных средств указанной технологии давления, а именно:

актуализировать нужный, «срежиссированный» (обвинительный) гиперфрейм и тем самым *побудить* своего собеседника взаимодействовать в дискурсивном пространстве данного гиперфрейма. В свою очередь, его оппонент решал свою задачу, которая сводилась к тому, чтобы

– *выйти* за рамки навязываемого ему гиперфрейма и

– *нарушить* структуру его дальнейшего развития (т.е. разорвать валентную взаимосвязь между тематическими блоками и тем самым блокировать тематическое развитие беседы как по предложенным целевым, так и валентно-семантическим параметрам), с целью

– *поставить* под сомнение уместность появления того или иного тематического блока (соответственно также: терминала, слота, подслота, узла и т.д.) в структуре гиперфрейма, тем самым

– *показать* и *опровергнуть* свойства вершинного предиката, *доказывая* нецелесообразность его актуализации и необъективность обсуждения в предложенном формате интервью.

В этом политико - коммуникативном противостоянии собеседникам предстоит решать – каждому по-своему – комплекс задач, чтобы добиться намеченного результирующего эффекта и, главным образом, не уронить закрепленный в массмедиа престиж как персонифицированного (личного) образа, так и имиджа своей страны, а также сохранить собственное лицо в глазах ТВ-аудитории и, презентуя себя, публично продемонстрировать своё соответствие реализуемым ролевым позициям в умении тактически грамотно и толерантно применять коммуникативные навыки «вербального фехтования» различными – агрессивно-дефензивными – средствами арсенала «мягкой силы». О том, как будут участниками политического ТВ-интервью реализованы диалогические «активы» в виде тех или иных технологических средств арсенала МС речь пойдет в следующей статье.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, Алексеева, 2016 – Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. – 2016, № 11. – С. 3–14.

Волошинов, 1930 – Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1930. – 157 с.

Леппинг, Страхова, 1969 – Леппинг Е.И., Страхова Н.П. и др. Большой немецко-русский словарь. В двух томах. Т. I. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 760 с.

Морозова, 2005 – Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.- Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 220 с.

Най, 2006 – Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. – М.: ФСПИ Тренды, 2006. – 221 с.

Ожегов, 1990 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

Паршин, 2014 – Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. – 2014, № 2 (35). – С. 14–21.

Романов, 1980 – Романов А.А. Некоторые особенности вопросительных высказываний, выражающих просьбу // Лексическая и синтаксическая семантика. Межвузовский сб. научн. тр. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1980. – С. 86–92.

Романов, 1983 – Романов А.А. Коммуникативная интенция говорящего и структура текста // Проблемы лингвостилистического анализа текста и лингводидактические задачи. Ч.2. – Иркутск: Иркутск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1983. – С. 54–60.

Романов, 1988 – Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 1989 – Романов А.А. Представление иллокутивных знаний в статье автоматического словаря // Международный семинар по машинному переводу “ЭВМ и перевод 89”. Тбилиси 1989. – М.: Всесоюзный Центр Переводов; Тбилиси: ГрузНИИТИ, 1989. – С. 186–189.

Романов, 1989а – Романов А.А. К разграничению директивных высказываний // Стилистика текста. Языковые средства экспрессивности текста. Межвузовский научный сборник. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1989а. – С. 176–182.

Романов, 1991 – Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1991. – С. 82–100.

Романов, 1991а – Романов А.А. Прагматограмма как форма реализации иллокутивных знаний в диалогическом тексте // Когнитивная и коммуникативная структура текста. Функциональный анализ. Тез. научн. совещания. Днепропетровск, октябрь 1991 г. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991а. – С. 39–40.

Романов, 1991б – Романов А.А. Иллокутивные знания и прагматограмма диалогического текста // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. – Воронеж: Воронежский техническ. ун-т; ВСНТО, 1991б. – С. 37–41.

Романов, 1992 – Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1992. – С. 55–76. *Репринт*: Романов, 2006: 133–155.

Романов, 1992а – Романов А.А. Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге // Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. Под ред. А.А. Романова и Г.И. Богина. – Тверь: Тверской гос. ун-т; Тверской (Калининский) СХИ, 1992а. – С. 44–48. *Репринт*: Романов, 2006: 156–161.

Романов, 1995 – Романов А.А. Говорящий лидер в деловом общении // Человек говорящий / Homo Loquens: Язык. Познание. Культура / Сб. научн. тр.

Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1995. С. 56–70.

Романов, 1997 – *Романов А.А.* Конфликтный диалог: типология проявлений и опыты их исследования // Когнитивная лингвистика конца XX века. Матер. Международн. научн. конф. в 3-х частях. Ч.2. – Минск: МГЛУ, 1997. – С.130–133.

Романов, 1999 – *Романов А.А.* Конфликтный дискурс политика // «Политический дискурс в России – 3» Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: Ин-т языкознания РАН; Диалог-МГУ, 1999. – С.123 –126.

Романов, 2001 – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации и интерпретации конфликтных форм речевого общения (на материале речевой дискурсии политика) // Текст versus Дискурс: Проблемы понимания и интерпретации. Сб. научн. тр./ Отв. ред. проф. А.А. Романов. – Москва – Тверь: ИЯз РАН, Тверская ГСХА ; ТИЭМ, 2001. – С. 96–106.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax: Игра с личностью или игра со смыслами. Сб. научн. тр. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2004. – С. 3–36.

Романов, 2005 – *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.–Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 153 с.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Лингвистическая мозаика. Избранное. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА: изд-во «АгросферА, 2006. – 436 с.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет- коммуникации // Язык, коммуникация и

социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. – Воронеж: Наука – Юнипресс; Воронежский гос. университет, 2014. – С. 88–118.

Романов, 2015 – *Романов А.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 1-16. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 1–35. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, 2016а – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информационной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. тр. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2016а. – С. 221–227.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – С. 205–214.

Романов, 2017а – *Романов А.А.* Роль дигитальной коммуникации в медийном пространстве информационного общества [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017а, № 1 (47). – С. 1–20. Режим доступа: [http:// tverlingua.ru](http://tverlingua.ru)

Романов, Малышева, 2015 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме –5. Материалы международной научной конференции. – М.: Канцлер, 2015. – С. 225–226.

Романов, Малышева, 2016 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Научный редактор А.В. Рудакова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. – Вып. 3. – С. 166–169.

Романов, Малышева, Новоселова, 2014 – *Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В.* Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ. – Белгород: Константа, 2014. – С. 126–131.

Романов, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Морозова О.Н.* Схемы спин-докторингового конструирования оценочных смыслов в современной медиакультуре // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, ин-т; «Высшая школа журналистики и масс. коммуникаций», 2015. – С. 243–247.

Романов, Новоселова, 2015 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. науч. докл. / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев. Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.

Романов, Новоселова, 2018 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Коммуникативный абсурд в актах менасивной дискурсии // Абсурд в коммуникациях *или* Общение без понимания. Под ред. Е.С. Никитиной. Монография – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2018. – С. 66–78.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Бенефициарные смыслы в коммуникативной инфосфере // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы II Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный

университет», 28-29 октября 2016 г.) / Научн. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 79–81.

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья *первая*: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 3 (49). – С. 1–39. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017а, № 2 (47). – С. 1–20. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Материалы Международн. научн. конф., Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. – Минск: Минский госуд. лингвист. ун-т, 2017б. – С. 81– 83.

Романов, Романова, 2017в – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г) / под ред. А.В. Полонского и др. = Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017в. – С. 134–144.

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Вербальный компонент “мягкой силы” как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 2. – С. 1–40. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия vs дефензивная контрдискурсия в «информационной дуэли» // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международной научно-практическ. конф. Тверь, 6-7 апреля 2018 г. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2018а. – С. 176 – 187.

Романов, Романова, 2018б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функционально-семантическое представление как регулятивный конструкт ментальной репрезентации туннельной локализации языкового знака [Электронный ресурс] // Организационная психолингвистика: электронный научный журнал. – 2018б, № 1. – С. 72 – 95. Режим доступа: <http://www.sh-technology.ru>

Романов, Романова, 2018в – *Романов А.А., Романова Л.А.* Дискурсивные регулятивы информационных атак // Дискурс-Пи. – 2018в, № 1(30). – С. 17–23.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спиндокторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спиндокторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международн. научно - практическ. конф. 3-4 апреля 2015 года. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015а. – С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2015б – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Медийный опрос как технологический приём спиндокторинговой манипуляции (на материале дискуссии опроса, проведенного 26 января 2014 года телеканалом «Дождь») [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015б, № 5. – С. 19–41. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в

информационно-консциентальной кампании. Статья *вторая*: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4 (48). – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Федосеева, 2017 – Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. –241 с.

Романов, Царьков, Романова, 2017 – Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А. Дискурсивный портрет думского либерала. Опыт историко-лингвополитического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Институт прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Харитоновна, 2015 – Харитоновна Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблемы оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015, № 6. – С. 49–58.

Юдин, 2015 – Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 96– 105.

References

Alekseev, A.P., Alekseeva, I.Yu. (2016) Information war in the information society // *Questions of philosophy*, No, 11, pp. 3-14 (in Russian).

Fan, Y. (2008) Soft power: power of attraction or confusion - n? // *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 4, №. 2, pp. 147–158 (in Russian).

Fraser, B. Hedged performatives (1975) // *Syntax and Semantics*, Vol. 3, pp. 187–210.

Heinemann, M., Heinemann, W. (2002) *Grundlagen zur Textlinguistik: Interaktion – Text – Diskurs*, Tübingen, Niemeyer, 281S.

Holly, W., Kühn, P. (1986) *Politische Fernsehdiskussionen*, Tübingen, Niemeyer. 271S.

Voloshinov, V.N. (1930) *Marxism and the philosophy of language*, L., Surf, 157 p. (in Russian).

Lepping, E.I., Strakhova, N.P. and others (1969) *A large German-Russian dictionary*. In two volumes, T. I, Moscow, Sov. Encyclopedia, 760 p. (in Russian).

Lucas, J. (1992) *Strategische Kommunikation am Beispie politischer Fernsehdiskussionen*. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung, Heidelberg, 346 S.

Morozova, O.N. (2005) *Discourse of consent in a dialogue space*, M.- Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 220 p. (in Russian).

Nye, J.S. (2006) *Flexible power. How to succeed in world politics*, Trans. with English, Moscow, FSPI Trends, 221 p. (in Russian).

Ozhegov, S.I. (1990) *Dictionary of the Russian language*, M., Russian language, 917 p.

Parshin P.B. (2014) Two understandings of "soft power": preconditions, correlates and consequences // *Bulletin of MGIMO-University*, No. 2 (35), pp. 14–21 (in Russian).

Romanov, A.A. (1980) Some features of interrogative statements expressing a request // *Lexical and syntactic semantics. Intercollegiate collection. scientific. tr.*, Barnaul, Altai state. University, pp. 86–92 (in Russian).

Romanov, A.A. (1983) Communicative intention of the speaker and structure of the text // *Problems of linguistic analysis of the text and linguodidactic problems*, Part 2., Irkutsk, Irkutsk. state. ped. in-th foreign, pp. 54–60 (in Russian).

Romanov A.A. (1988) System analysis of regulatory means of dialogical communication, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1989) Representation of illocutionary knowledge in the article of the automatic dictionary // *International seminar on machine translation "Computer and Translation 89"*. Tbilisi 1989, Moscow, All-Union Translation Center; Tbilisi: GruzNITITI, pp. 186–189 (in Russian).

Romanov, A.A. (1989a) To the delimitation of directive statements // Stylistics of the text. *Language means expressiveness of the text. Interuniversity scientific collection*, Ufa, Publishing house of Bashkir University, pp. 176–182 (in Russian).

Romanov, A.A. (1991) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // *Text in communication*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A.A. (1991a) Pragmatogram as a form of realization of illocutionary knowledge in a dialogical text // *Cognitive and communicative structure of the text*. Functional analysis. Tez. scientific. meeting. Dnepropetrovsk, October 1991, Moscow, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, pp. 39–40 (in Russian).

Romanov, A.A. (1991b) Illocutionary knowledge and pragmatogram of the dialogical text // *Pragmatic aspects of the functioning of linguistic units*, Voronezh, Voronezh technical. un-t, VSNTO, pp. 37–41 (in Russian).

Romanov, A.A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 55–76, Reprint: Romanov, 2006: 133–155 (in Russian).

Romanov, A.A. (2006) Communicative mismatch as a kind of pragmatic misunderstanding in the dialogue // *Proceedings of the First and Second Tver Hermeneutical Conferences*. Ed. A.A. Romanov and GI The Goddess, Tver, Tver State. un-t; Tverskoy (Kalininsky) Agricultural Institute, 1992a. pp. 44–48. Reprint: Romanov, 156–161 (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) The talking leader in business communication // The person speaking / *Homo Loquens: Language. Cognition. Culture* / Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, pp. 56–70 (in Russian).

Romanov, A.A. (1997) Conflict dialogue: typology of manifestations and experiences of their research // *Kognitivnaya linguistics of the late twentieth century*. Mather. International. scientific. Conf. in 3 parts, Part 2, Minsk: MGLU, pp.130–133.

Romanov, A.A. (1999) Conflict discourse policy // *Political discourse in Russia - 3 Materials of the workshop March 27-28, 1999*. Part 1. Ed. Yu.A. Sorokina and VN Bazyleva, Moscow, Institute of Linguistics RAS; Dialog-Moscow State University, pp.123–126 (in Russian).

Romanov, A.A. (2001) Evaluation as a way of fixing and interpreting conflicting forms of verbal communication (on the basis of the speech discourse policy) // *Text versus Discourse: Problems of Understanding and Interpretation*. Sat. scientific. tr. / Otv. Ed. prof. A.A. Romanov., Moscow – Tver,; INP RAS, Tver State Agricultural Academy; TIEM, pp. 96–106 (in Russian).

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics: A Functional Approach*, M. – Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2004) Suggestive model of speech communication: manipulation or play with meanings? // *Homo mendax: Playing with a person or playing with meanings*. Sat. scientific. tr. / Ans. Ed. prof. A.A. Romanov, M. – Tver, INAS RAS; Tver State Agricultural Academy, pp. 3–36 (in Russian).

Romanov, A.A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative utterances-requests*. M.-Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 153 p. (in Russian).

Romanov A.A. (2006) *Linguistic mosaic. Favorites*, M.-Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy: publishing house "AgrosferA, 436 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktoringovaya implementation of mental representations in the Internet communication // *Language, communication and social environment*. Annual international publication, Issue. 13, Voronezh, Science - UniPress; The Voronezh state. University, pp. 88–118 (in Russian).

Romanov, A.A. (2006) *Linguistic mosaic. Favorites*, M.-Tver: Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, publishing house "AgrosferA", 436 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktoringovaya implementation of mental representations in the Internet communication // *Language, communication and social environment*. Annual international publication, Issue. 13, Voronezh, Science - UniPress; The Voronezh state. University, pp. 88–118 (in Russian).

Romanov, A.A. (2015) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, No. 3. P. 1–16. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) "The window of discourse" as a regulatory mechanism for the dissemination and introduction of "viral" information: two approaches [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4. P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016a) Beneficial meanings in the information media sphere // *Intercultural communication: theory and practice*. Sat. scientific. tr. Tomsk, Publishing house of Tomsk Polytechnic University, pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A.A. (2017) "The window of discourse" as a technology for changing the idea of reality // *Language discourse in social practice: materials of the International. scientific and practical work*, Conf. Tver: Tver. state. Univ., pp. 205–214 (in Russian).

Romanov A.A. (2017a) The role of digital communication in the media space of the information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, No. 1 (47). P. 1–20. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2015) Manipulative communication in the system of network "information wars" // *Life of language in culture and society -5*. Materials of the international scientific conference, M., Chancellor, pp. 225–226 (in Russian).

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2016) Political language in internet communication // *The V International Academic Congress "Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries"* (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015), Papers and Commentaries, vol. II, Cambridge: "Cambridge University Press", pp. 152–158.

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2016) Semantic manipulation as a form of network impact // *Psycholinguistics and lexicography: Sat. scientific works / Scientific Editor A.V. Rudakova, Voronezh: publishing house "Origins", Issue. 3. pp. 166–169 (in Russian).*

Romanov, A.A., Malysheva, E.V., Novoselova, O.V. (2014) Matrix technology in manipulative Internet communication // *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education. I of the Intern. scientific-practical. Conf. Belgorod, BelGU, April 1-4, 2014, Sat. sci. Works, Belgorod, Constant, pp. 126–131 (in Russian).*

Romanov, A.A., Morozova, O.N. (2015) Schemes of spin-doctoring design of appraisal meanings in modern media culture // *Medialinguistics, Issue. 4, Professional speech communication and mass media: Sat. Articles, St. Petersburg, St. Petersburg. state. un-t, in-t; "High School of Journalism and the masses. Communications, pp. 243–247 (in Russian).*

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2015) Designing media meanings of information confrontation // *Functional linguistics: VII International Crimean Language Congress "Language and Peace". Yalta, October 5-8, 2015. Sat. sci. doc. / Ans. Ed. A.N. Rudyakov, Yu.V. Dorofeev. Crimean republican institute of postgraduate pedagogical education, Simferopol, Forma LLC, pp. 284–287 (in Russian).*

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2018) Communicative absurdity in the acts of menacing discourse // *Absurd in communication or Communication without understanding. Ed. E.S. Nikitina. Monograph, M., URSS, LENAND, pp. 66–78 (in Russian).*

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2015) Memetic mechanism of designing media meanings of information confrontation // *World of linguistics and*

communication: electronic scientific journal. No. 3. P. 1–16. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2016) Beneficial meanings in the communicative infosphere // *Meaning as a phenomenon of the actual linguistic consciousness of the native speaker: the theses of the II All-Russian Scientific Conference* (Voronezh, FGBOU VO "Voronezh State University", October 28-29, 2016) / Nauk. Ed. A.V. Rudakova, Voronezh, Origins, pp. 79–81 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article One: "Window" of discourse as a complex technology of information spin-doctoring impact // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 3 (49). pp. 1–39. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017a) Vector orientation of reformatting immersion in the discursive space of information attacks [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2 (47). P. 1–20. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017b) Specificity of introducing "virus" information into the infosphere // *Explicit and implicit in language and speech*. Materials International. scientific., Minsk (Belarus) 10-11 May 2017, Minsk, Minsk State Court. linguist. un-t, pp. 81–83 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017c) Conscital discourse and counter-discourse in the information confrontation // *Discourse and media criticism of the mass media: coll. sci. works* (based on the materials of the international scientific and practical conference, NUU "BelGU", October 4-7, 2017) / ed. A.V. Polonsky et al. Belgorod, Publishing house "Belgorod" Research Institute "BelGU", pp. 134–144 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Communicative construct as "tunnel window" of media discursive reality // *Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries*. *The VII International Academic Congress* (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017), Papers and Commentaries, Volume VII, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 512–518.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Verbal component of "soft power" as an instrument of discursive influence in geopolitical space [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 1–40. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018a) Fake discourse vs defensive counterdiscussion in the "information duel" // *Linguistic discourse in social practice*. Sat. scientific. tr. International scientific and practical. Conf. Tver, 6-7 April 2018, Tver, Tver. state. University, pp. 176–187 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018b) Functional-semantic representation as a regulatory construct of the mental representation of the tunnel localization of the linguistic sign [Electronic resource] // *Organizational psycholinguistics: electronic scientific journal*, No. 1, pp. 72–95. Access mode: <http://www.sh-technology.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018c) Discursive regulators of information attacks // *Discourse-Pi.*, No. 1 (30), pp. 17–23 (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA, Morozova, O.N. (2015) Frame matrix of spin-docking design of meanings in the system of public communications [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru>

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015a) Narrative method of spin-docking communication with frame slots // *Language discourse in social practice*. Sat. scientific. tr. International. scientific – practical, Conf. April 3-4, 2015, Tver: Tver. state. Univ., pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015b) Media survey as a technological method of spin-doctoring manipulation (based on the discussion of a poll conducted on January 26, 2014 by the television channel Dozhd) // *World of Linguistics and Communications: electronic scientific journal*. № 5. P. 19–41. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 2: On the role and significance of mental representations in the

consecutive type of information impact of material injections "Panagameit" [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4 (48). P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Fedoseeva, Y.G. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 241 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Tsarkov, P.B., Romanova, L.A. (2017) *Discursive portrait of the Duma liberal. The experience of historical and linguistic-lytic description of the materials of journalism and stenographic reports of the meetings of the State Duma of Russia*, Tver, Institute of Applied Linguistics and Mass Communications TGSMA, 201 p. (in Russian).

Schwitalla, J. (1979) *Dialogsteuerung in Interviews*, München: Huebler, 351 S.

Kharitonova, E.M. (2015) Efficiency of "soft power": evaluation problems // *World economy and international relations*, No. 6, pp. 49–58 (in Russian).

Yudin, N.V. (2015) Systemic reading of the phenomenon of soft power // *International processes*, T. 13, No. 2, pp. 96–105 (in Russian).